

А.Б.Гофман

Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве Макса Вебера[×]

Макс Вебер достаточно часто использовал понятие традиции. И это вполне объяснимо, так как оно составляет одно из оснований его теории рациональности и рационализации, без которого эта теория оказалась бы невозможной. Тем не менее, он не разработал специальную теорию или концепцию традиции и традиционализма.¹ Его взгляды в данном отношении отличаются многозначностью и противоречивостью, а потому нуждаются в специальной реконструкции.

Вебер был продолжателем традиций Просвещения и консерваторов-традиционалистов 18-19 вв., а также и Маркса, в том смысле, что вслед за ними он осуществляет фундаментальное теоретическое противопоставление Традиции, с одной стороны, и Разума – с другой. Это проявляется прежде всего в его типологии социальных действий и в общей интерпретации направленности мирового исторического процесса как прогрессирующей рационализации, как движения от традиционного общества к современному; последнее для него выступает как синоним индустриального и основанного на принципе формальной рациональности.²

Анализ веберовских текстов позволяет, как нам представляется, выделить в них по крайней мере *два смысла понятия традиции.*

[×] Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. Грант РГНФ №05-03-03174а

¹ Ю.Н. Давыдов, один из крупнейших специалистов по социологии Вебера, отмечает «противоречивость в характеристике традиционного действия и определении его места в общей типологии человеческих действий», дающую основание для различных интерпретаций данного пункта веберовского социологического учения» (Давыдов Ю.Н. Традиционное действие // Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1990). С.354. По замечанию Н.Н.Зарубиной, «...понятие традиционного у Вебера не получило никакой конкретизации...». (Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М.Вебер и современные теории модернизации. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С.59).

² О социологических теориях Вебера в целом см., в частности: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Изд-во политической литературы. 1991.

Первый смысл содержится прежде всего в его фундаментальной и широко известной типологии социального действия, в которой он выделяет такой идеальный тип, как традиционное действие. В этом смысле традиция, по Веберу, представляет собой *длительную привычку*. Он пишет: «Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным...*; 2) *ценностно-рациональным...*; 3) *аффективным...*; 4) *традиционным*, то есть основанным на *длительной привычке* (выделено мной - А.Г.)».³ Традиция в этом смысле отождествляется с психологической инерцией. Она выступает как разновидность чисто подражательных, квази-рефлекторных, автоматических, не осмысленных действий, как «автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки».⁴ Будучи чисто подражательным, такой тип действия не содержит в себе осмысленной ориентации на других, а потому не является собственно социальным. Вебер оговаривается, что в подражательных действиях, которым Тард, с его точки зрения, вполне обоснованно придает большое значение, «далеко не всегда можно уверенно разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию»; тем не менее, он считает что концептуально их необходимо разделять. Но даже и чисто «реактивное» подражание имеет не менее важное социологическое значение, чем

³ Вебер М. Основные социологические понятия . Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.628. Существует и другой перевод данной работы, сделанный А.Ф. Филипповым с другого издания оригинального текста и отличающийся стремлением к более точному соответствию оригиналу. (Вебер М. Основные социологические понятия. Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Теоретическая социология. Антология. Ч.1. Под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный Дом «Университет», 2002. С. 70-146). Некоторые веберовские термины в нем переведены иначе, чем в переводе М.И. Левиной, который мы используем. В частности, терминам, переведенным в первом случае как «действие», «обычай», «нравы», во втором соответствуют термины «действие», «обыкновение», «обычай». Существующие расхождения связаны, вероятно, не с различиями в качестве переводов, а в сложности оригинального текста и с различиями в концепциях перевода. Наш выбор в данном случае обусловлен тремя обстоятельствами: во-первых, существованием определенной традиции в данном отношении, в частности, перевода немецкого «Handeln» как «действия» (переводимого обычно на английский как «action»); во-вторых, бóльшим соответствием первого варианта привычному русскому словоупотреблению, в-третьих, на наш взгляд, латинские слова «mores» и «consuetudo», соответствующие, по замечанию А.Ф. Филиппова, немецким «Brauch» и «Sitte» (там же, с.145), все же правильнее переводить не как «обычай» и «обыкновение», а как «нравы» и «обычай», что чаще всего и делалось в русских переводах. Тем не менее, отмеченные различия не имеют принципиального значения для данного истолкования веберовского понимания традиции.

⁴ Вебер М. Основные социологические понятия. С.628.

собственно социальные действия.⁵ Большая часть привычного повседневного поведения людей близка, по Веберу к этому типу.

В своей типологии социальных действий Вебер принципиально противопоставляет первые два идеальных типа: целерациональное и ценностно-рациональное действия, - последним: аффективному и традиционному. В качестве критерия или адресата рациональности он рассматривает только цели и ценности. Здесь нет места таким гипотетическим типам, как «аффективно-рациональное»⁶ или «традиционно-рациональное», хотя в принципе такой подход также возможен и отчасти был реализован самим Вебером, но уже в другой интерпретации понятия «традиция», о которой речь пойдет ниже. Более того, едва выделив отмеченные четыре типа, Вебер тут же почти отказывается признать традиционный и аффективный типы собственно социальными действиями, указывая на то, что они находятся «на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием».⁷ Таким образом, очевидно, что в данной интерпретации традиция у Вебера выступает как антипод инновации (будучи инертной привычкой) и рациональности (будучи нерелексивным, квази-автоматическим подражанием).

Примерно, а иногда буквально, в том же значении Вебер использует термины «обычай» и «нравы». Трактовка этих, а также некоторых других, близких им по значению, терминов, у него носит довольно многозначный и туманный характер, поэтому нуждается в определенной реконструкции и прояснении. Характерно, что обычаи и нравы он рассматривает как разновидности «социального поведения», а не «социального действия», что для него имеет принципиальное значение: это означает, что в его понимании они, как и традиция в первом смысле, носят квази-автоматический, подражательный

⁵ См.: Вебер М. Основные социологические понятия. С.627.

⁶ Что соответствовало бы французской поговорке «Le coeur connaît la raison que la raison ne connaît pas »; буквально – «Сердцу ведом разум, который неведом разуму».

⁷ Там же.

характер и осмысленным образом не ориентированы на других индивидов. Приведем несколько высказываний Вебера, характеризующих его понимание этих терминов.

1) «Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть *нравами*, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется *просто* привычкой. Нравы мы будем называть *обычаем*, если фактические привычки *укоренились* в течение длительного времени».⁸ 2) «Условностью мы будем называть «обычай», который считается в определенном *кругу людей* «значимым» и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. В отличие от права (в принятом нами смысле слова) здесь отсутствует специальная *группа* людей, осуществляющая принуждение».⁹ 3) «Обычаем» в отличие от «условности» и «права» мы будем называть *не* гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно – то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам – и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то «значимым»; ни от кого не «требуют» их соблюдения».¹⁰ 4) «К нравам относится и «мода». «Мода» будет причисляться к нравам в том случае (обратном тому, что было сказано об обычае), если причиной ориентации становится нечто *новое* в поведении. Мода близка «условности», так как, подобно «условности», она (большей частью) связана с *сословными* престижными интересами».¹¹ 5) В различных контекстах Вебер использует выражения: «...*привычкой (обычаем)*...» и «...*обычае, привычке к определенному поведению*...»¹²(выделено мной – А.Г.).

⁸ Вебер М. Основные социологические понятия. С.634.

⁹ Вебер М. Основные социологические понятия. С.640.

¹⁰ Вебер М. Основные социологические понятия. С.634.

¹¹ Вебер М. Основные социологические понятия. С.634.

¹² Вебер М. Основные социологические понятия. С.636,637.

Цитированные высказывания Вебера можно, на наш взгляд, резюмировать и интерпретировать следующим образом. 1) Под нравами понимаются единообразные установки социального поведения (но не действия, предполагающего субъективную мотивацию актора), объясняемые «*просто привычкой*». 2) Обычаем называются нравы, в которых действуют не просто привычки, а те, которые «*укоренились в течение длительного времени*». (Здесь уместно задаться вопросом о смысле различения данных двух видов привычек, поскольку трудно представить себе привычки, которые бы не укоренились в течение более или менее длительного времени; в противном случае речь идет не о привычках, а о чем-то другом). 3) Обычаи, как и нравы, в «чистом виде» тождественны традициям, в том смысле, что они представляют собой привычку, привычное поведение. 4) В отличие от «условности» и «права» под обычаями следует понимать такие привычки, которые не задаются внешними по отношению к индивидам нормативными правилами и требованиями, а осуществляются добровольно и спонтанно. 5) «Условность» опирается на порицание, а право – на принуждение, осуществляемое специальной группой лиц. 6) Мода относится к нравам, но, в отличие от обычая, причиной данной ориентации социального поведения становится нечто новое в нем. (Здесь опять уместен вопрос о том, каким образом мода, основанная на поведенческой новизне, может выступать как разновидность нравов, трактуемых Вебером как привычки? Возникает подозрение, что в веберовском представлении о моде как *новых привычках* мы сталкиваемся с *contradictio in adjecto*, с чем-то вроде *новой старины* или *старой новизны*). 7) Мода при этом, будучи связана с сословными престижными интересами, близка к «условности», т.е., в отличие от обычая, является «значимой», задается внешними нормативными образцами.

Итак, в первом смысле Вебер трактует традицию (а также, вместе с ней, и обычаи и нравы) как привычку, как привычное поведение. Эта трактовка имеет для него принципиальное значение, так как в известном смысле составляет один из главных опорных пунктов его теории рациональности и

рационализации, без которого она рушится. Собственно, традиционность и традиция в отмеченном смысле составляют один из необходимых элементов дихотомии, другим элементом которой являются рациональность и рационализация как универсальная тенденция исторического процесса. Заметим, что именно это фундаментальное и принципиальное для Вебера истолкование традиции как привычки не является собственно социологическим. Именно за «психологизм» оно вполне обоснованно подверглось в свое время критике Толкоттом Парсонсом.¹³

Несмотря на фундаментальное значение истолкования традиции как привычки и привычного поведения, оно у Вебера не является единственным. Во *втором смысле* он понимает традицию как определенную *ценность или систему ценностей*. Соответственно, и традиционное действие выступает в данном случае как разновидность *ценностно-рационального действия*. Не случайно он настойчиво подчеркивает «пограничный» характер традиционного действия в своей типологии и его близость к ценностно-рациональному типу.¹⁴ Согласно Веберу, если речь идет о традиции в первом смысле, то действие индивида «*каузально*, но не осмысленно определено поведением другого лица».¹⁵ Иначе обстоит дело в традиционном действии ценностно-рационального типа; здесь подражание совсем иное: «...Если поведению других подражают потому, что оно «модно», *считается традиционным* (выделено мной – А.Г.), образцовым, «престижным», или из каких-либо иных соображений такого рода, то такое подражание по своему смыслу соотнесено либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением третьих лиц, либо с поведением тех и других».¹⁶ Таким образом, в отличие от идеально-типической традиции-привычки, традиция-ценность действует не автоматически, а служит промежуточным звеном, ценностным

¹³См.: Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1961. P.647. Критику веберовской интерпретации традиции см. также: Wilson H.T. Tradition and innovation. The idea of civilization as culture and its significance. L., etc.: Routledge and Kegan Paul, 1984. P.138, etc.

¹⁴ См.: Вебер М. Основные социологические понятия. С.627-628.

¹⁵ Вебер М. Основные социологические понятия. С.627.

¹⁶ Вебер М. Основные социологические понятия. С.627.

посредником, через которого индивид осознанно ориентируется на другого или на других.

В названных двух смыслах Вебер использует термин «традиция» и в своей типологии легитимности и легитимного господства. Это видно, в частности, в известной характеристике традиционного господства, данной им в «Политике как призвании и профессии»: «...Это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, - «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа».¹⁷

Характеризуя чистый традиционный тип господства, Вебер пишет, что осуществляющий его господин может править с помощью административного аппарата или без него. Этот аппарат рекрутируется из следующих (одного или более) источников:¹⁸

« I) Из людей, которые уже ранее были связаны с вождем традиционными узами верноподданничества. Это может быть названо патримониальным рекрутированием. Этими людьми могут быть а) родственники, б) рабы, с) зависимые люди, являющиеся домашними слугами, особенно *ministeriales* (министериами, императорскими сановниками – А.Г.), d) клиенты, e) *coloni* (колоны – А.Г.), f) вольноотпущенники. II) Рекрутирование может быть внепатримониальным, включая а) людей, поддерживающих отношение чисто личной преданности, вроде всякого рода «фаворитов», б) людей, находящихся в отношении верности своему господину (вассалы), и, наконец, с) свободных людей, добровольно устанавливающих отношение личной преданности в качестве служащих».

Кроме того, Вебер выделяет те черты бюрократического административного аппарата, которые при чистом типе традиционного правления отсутствуют. Это: «а) четко определенная сфера компетенции, подчиненная безличным

¹⁷Вебер М. Политика как призвание и профессия. Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.646.

¹⁸Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Ed. by G.Roth and C.Wittich. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. T.1. P.228.

правилам, b) рационально установленная иерархия, c) регулярная система назначений на основе свободно заключаемого договора и упорядоченное продвижение, d) техническая подготовка и квалификация как постоянное требование, e) (часто) фиксированная заработная плата, как правило, в виде денег».¹⁹

Наиболее элементарными типами традиционного господства, при котором у господина нет никакого личного административного аппарата, Вебер считает *геронтократию* и *первичный патриархализм*. Здесь власть господина ограничена священной традицией, диктующей необходимость совместного с правящей группой осуществления господства в интересах всех ее членов. *Патримониализм* и его крайний вариант, *султанизм*, возникают тогда, когда при традиционном господстве формируется администрация и военная сила, являющиеся чисто личными инструментами господина. Если ранее власть господина выступала как преимущественное групповое право, то теперь она превращается в его личное право, которое принадлежит ему так же, как любой другой объект обладания.²⁰ При этом Вебер проводит определенное различие между патримониализмом и султанизмом, отмечая наличие промежуточных ступеней между ними: «Там, где господство является преимущественно традиционным, даже если оно осуществляется благодаря личной автономии правителя, оно будет называться *патримониальной властью*; там, где оно реально действует преимущественно по собственному усмотрению правителя, оно будет называться *султанизмом*».²¹

Воздействие традиционного господства на экономику, по Веберу, состоит прежде всего в том, что обычно оно усиливает традиционные установки. Это касается, в частности, типичных способов финансирования. В данном отношении патримониализм использует различные подходы. Вебер выделяет три наиболее важные из них.

¹⁹ Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.229.

²⁰ См.: Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.231-232.

²¹ Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.232.

А. «*Ойкос* (дом, жилище, греч. – А.Г.), поддерживаемый правителем, где потребности удовлетворяются на литургической основе целиком или преимущественно натурой (в форме контрибуций или принудительных услуг). В этом случае экономические отношения имеют тенденцию к тому, чтобы быть строго ограниченными традицией. Развитие рынков блокируется, использование денег является главным образом потребительским, и развитие капитализма невозможно».

В. «Обеспечение услугами социально привилегированных групп имеет сходные последствия. Развитие рынков, хотя и не обязательно в той же степени, также ограничено в этом случае тем фактом, что собственность и производственные мощности индивидуальных экономических единиц в большой мере подчинены потребностям правителя».

С. «Кроме того, патримониализм может прибегать к удовлетворению монополистических потребностей, которое частично может перекладываться на прибыльные предприятия, сбор различных пошлин и налогообложение. В этом случае развитие рынков, в зависимости от типа участвующих монополий, более или менее серьезно ограничено влиянием иррациональных факторов».

«Даже там, где оно осуществляется в денежном выражении, финансирование патримониализма и, еще более, султанизма имеет иррациональные следствия по следующим причинам. 1) Обязанности, основанные на источниках от прямого налогообложения, и по размеру и по виду остаются привязанными к традиции. В то же время существует полная свобода и, следовательно, произвол, в определении а) различных сборов и пошлин, б) вновь налагаемых обязанностей и с) в организации монополий. Этот элемент произвола по крайней мере утверждается в качестве права». 2) «Две основы рационализации экономической деятельности полностью отсутствуют, а именно основы для измерения обязанностей и степени свободы, дозволенной для частного предпринимательства».²²

²² Weber M. *Economy and Society*. Т.1. Р. 238.

Д. «Тем не менее, в отдельных случаях патримониальная фискальная политика может иметь рационализирующий эффект благодаря систематическому культивированию своих источников налогообложения и благодаря рациональной организации монополий. Это однако носит «случайный» характер и зависит от специфических исторических обстоятельств, некоторые из которых существовали на Западе».²³

Интересно, что примером выделенного им типа В. Вебер считает в некоторой степени и Россию вместе с исламскими государствами, наряду со значительной частью of эллинистического мира, поздней Римской империей, Китаем и Индией.²⁴

Интересны также выделяемые Вебером общие особенности административных практик традиционных патримониальных режимов. 1) Присущий им традиционализм создает серьезные препятствия на пути формально рационального регулирования. 2) Штат чиновников, обладающих формальной технической подготовкой отсутствует. 3) Существует обширное поле для реального произвола и выражения чисто личных прихотей правителя и членов его административного аппарата. Возможность для взяточничества и коррупции, связанная с неупорядоченностью системы сборов, была бы не так серьезна по своим последствиям, если бы они оставались постоянной величиной, а потому на практике поддавались бы калькуляции. Но они устанавливаются от случая к случаю каждым отдельным чиновником и поэтому весьма изменчивы. 4) Патриархализм и патримониализм склонны к тому, чтобы регулировать экономическую деятельность в понятиях благосостояния, утилитарных или абсолютных ценностей.²⁵

Наряду с термином «традиция» Вебер нередко использует термин «традиционализм». Например, в начале «Протестантской этики и духа капитализма» он пишет: «Первым противником, с которым пришлось

²³ Weber M. Economy and Society. T.1. P.238-239.

²⁴ См.: Weber M. Economy and Society. T.1. P. 239.

²⁵ См.: Weber M. Economy and Society. T.1. P. 239-240.

столкнуться «духу» капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в «этическом» обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван *традиционализмом*. Однако и здесь мы вынуждены отказаться от попытки дать законченную «дефиницию» этого понятия». ²⁶ Поскольку немецкий социолог был вынужден отказаться от попытки определить это понятие, то это усложняет задачу его интерпретатора, вынужденного в свою очередь прояснять его трактовку. Анализ веберовских высказываний, включающих термин «традиционализм», позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что он использует его в том же смысле, а точнее, в тех же двух смыслах, что и термин «традиция». Это подтверждается, в частности, тем, что традиционный тип господства он иногда называет традиционалистским, используя оба прилагательные как синонимы. ²⁷

Однако проблематика традиции и традиционализма так или иначе присутствует в трудах Вебера и тогда, когда собственно эти слова отсутствуют. В действительности он постоянно апеллирует к традиции в качестве базового, хотя и неявного, объяснительного принципа. Прежде всего, это проявилось в том, что в своем классическом труде для объяснения «духа» капитализма он обратился к его достаточно отдаленным историческим истокам: к Лютеру, кальвинизму, пиетизму, методизму и т.д., а не к современным факторам. Характерно, что Вебер начинает свой труд с наблюдений и констатаций, относящихся как раз к современной (для него) ситуации; и он мог бы продолжить анализ современного для него материала, с которого начинает. Между тем, основным предметом его рассмотрения оказываются главным образом отмеченные исторические истоки, коренящиеся в Реформации. Строго говоря, классический труд Вебера было бы точнее назвать «Протестантская этика и *возникновение* духа капитализма»

²⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.80.

²⁷ См., например: Weber M. Economy and Society. T.I. P.228.

или «*Возникновение протестантской этики и дух капитализма*» или же, еще точнее, «*Возникновение протестантской этики и духа капитализма*».

Можно, конечно, объяснить данный факт спецификой методологических позиций Вебера, его стремлением осуществить именно историко-сравнительное исследование своего предмета, обнаружить его идеально-типические черты на ранней стадии его исторического развития и т.п. И подобные объяснения вполне правомерны, Тем более, что «Протестантская этика» по своему жанру не является собственно социологическим трудом в принятом в XX веке смысле; скорее его можно считать трудом по социальной истории, с чем, вероятно, согласился бы и сам Вебер.

Тем не менее, несмотря на правомерность отмеченных предположений, у Вебера все же обнаруживается достаточно сильная склонность к неявным традиционалистским объяснениям, или, точнее, к объяснениям посредством традиции и традиционализма. И это относится не только к докапиталистическим и внекапиталистическим социальным формам и мировоззрениям, но и к «духу» капитализма и к протестантской этике, которую он постоянно противопоставляет традиционализму. В самом деле, приглядемся к тому, как Вебер формулирует задачи своего исследования. 1) «Наш вопрос ...сводится только к следующему: что именно из содержания нашей культуры может быть *отнесено* к влиянию Реформации в качестве исторической причины?»²⁸. 2) «Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли *также* и религиозное влияние – и в какой степени –определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» и какие конкретные *стороны* сложившейся на капиталистической основе *культуры* восходят к этому религиозному влиянию»²⁹. 3) «...*Прежде всего* надлежит установить, существует ли (и в каких пунктах) определенное «избирательное сродство» между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой»³⁰. В конце

²⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С.106.

²⁹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С.106.

³⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С.106.

концов, «...можно попытаться выяснить, в какой мере содержание современной культуры в его историческом развитии следует сводить к религиозным мотивам и в какой мере к мотивам другого рода».³¹

Во всех этих суждениях Вебера, так же как и во всей «Протестантской этике», неявно присутствует тезис о том, что не просто религиозные верования и не современные религиозные верования, а *традиционные* протестантские религиозные верования, внедренные полтысячелетия назад, объясняют не только *происхождение* «духа» капитализма, но и *сущность* этого духа и его *современное состояние*. Иначе говоря, хотя Вебер избегает использовать термины «традиция» и «традиционализм» по отношению к протестантизму, он стремится, по существу, исследовать вклад в этот «дух» *протестантской традиции*, продолжающей действовать и сегодня. Иначе «избирательное сродство», о котором он пишет, приобретает совсем мистический характер (к которому рационально мыслящий Вебер в общем не склонен) и становится совершенно необъяснимым. *Общество, основанное на одной традиции, – протестантской, – оказывается рациональным и современным; а общества, основанные на непротестантских традициях, оказываются традиционными и нерациональными*. Неявно Вебер признает два идеальных типа традиционализма, явно – один.

При этом, неявные объяснения традицией мы находим не только в общих теоретических установках «Протестантской этики». В ней обнаруживаются и более частные объяснения того же рода. Так, в начале своего труда Вебер констатирует тот факт, что в современной для него Европе среди занятых в ремесле католиков относительно большее их число становится мастерами внутри данного ремесла, тогда как протестанты в относительно большем количестве устремляются в промышленность, где становятся квалифицированными рабочими и служащими предприятий. Приведенному факту он дает следующее объяснение: «В этих случаях, несомненно, налицо следующее причинное соотношение: *своеобразный склад психики, привитый*

³¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С.107.

воспитанием, в частности тем направлением воспитания, которое было обусловлено религиозной атмосферой родины и семьи, определяет выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности».³² Очевидно, что хотя Вебер не использует в данном случае понятие традиции, он объясняет приводимый факт влиянием двух различных традиций: католической и протестантской. И это в какой-то мере проливает свет на всю объяснительную схему его классического труда, в котором капитализм и его «дух» в действительности связываются с отказом от одной традиции, католической, и принятием другой, протестантской. Но если первую Вебер признает и называет традицией, то вторую – нет. По существу же, установление причинной связи современного капитализма и Реформации содержит в себе неявное традиционалистское объяснение: Вебер исходит из предположения, что объяснить происхождение «духа» капитализма тождественно объяснению его сущности и (или) современного состояния. А это предположение в свою очередь базируется на другом, согласно которому протестантская традиция, хотя и не без изменений, продолжает действовать и в начале XX века и, таким образом, релевантна в качестве объяснения современного капитализма. По существу, протестантизм как *традиция-привычка и традиция-ценность, традиционализированный протестантизм*, или, иначе, *протестантский традиционализм* – вот что служит, по Веберу, объяснением «духа» современного капитализма.

Разумеется, *a fortiori* Вебер склонен к традиционалистским объяснениям незападных историко-социальных реалий. Именно для этого он обращается к анализу традиционных восточных религиозно-мировоззренческих систем, таких как иудаизм, индуизм, конфуцианство, даосизм и т.д. Но если традиционалистские объяснения «традиционных» мировоззрений и обществ (восточных и допротестантских) носят у Вебера явный характер и осуществляются, как правило, в понятиях традиции, традиционализма, обычая и т.п., то аналогичные, также традиционалистские, объяснения

³² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С.64.

современного западного капитализма, связанного с протестантизмом, неявны и неочевидны. Наоборот, протестантская этика и соответствующие поведенческие практики трактуются как антитрадиционные и инновационные. И это не случайно. Как уже отмечалось выше, традиция и рациональность образуют в его теории две стороны единой дихотомии. Соответственно, допротестантским или внепротестантским этическим системам приписывается традиционность, протестантским – рациональность, отождествляемая с инновационностью.

Наконец, тенденция к традиционалистским объяснениям обнаруживается и в веберовской теории рутинизации харизмы. Хотя Вебер и утверждает, что харизма не обязательно связана с идеей революции, тем не менее, он полагает, что чаще всего она отвергает все установленные иерархии и существующие законы, обычаи и традиции (проверить источник).³³ Но, будучи в принципе антитрадиционной, харизма со временем традиционализируется и институционализируется. Как известно, харизматический тип легитимного господства Вебер рассматривает как неустойчивый и недолговечный. Поэтому этот тип в его истолковании достаточно быстро превращается в один из двух других типов: легальный или традиционный. Это превращение происходит в результате того, что Вебер называет «рутинизацией» харизмы. Но что, собственно, означает эта «рутинизация»? По существу, речь идет о *традиционализации* харизматического господства, т.е. о процессе, приводящем к становлению и утверждению либо *традиции легального господства*, либо *традиции традиционного господства*. В последнем случае в веберовской интерпретации, очевидно, происходит своего рода удвоение традиционализма в осуществлении легитимного господства.

Что касается *инноваций*, то они, по Веберу, могут вызываться внешними причинами, т.е. изменениями во внешних условиях существования. Но

³³ См.: Weber M. Charisma and its transformation // Weber M. Economy and Society. Ed. by G.Roth and C.Wittich. Berkeley, etc.: University of California Press, 1978. Vol.2. Ch.14. P.1117.

реакция на эти внешние изменения может быть различной, поэтому они не могут рассматриваться как необходимый фактор утверждения нового порядка вещей. В целом в трактовке инноваций Вебером в определенной мере ощущается влияние, хотя и не безоговорочное, идей Г.Лебона, Г.Тарда и итальянской криминологической школы. Наиболее важным источником инноваций он считает влияние индивидов, испытывающих определенные «анормальные» состояния (часто, хотя и не всегда, рассматриваемые современной психиатрией как патологические) и способные оказывать особое влияние на других. Такого рода влияния, преодолевающие инерцию традиционности, осуществляются через *вдохновение*, с одной стороны, и *эмпатию* или *идентификацию*, с другой.³⁴ Часто это связано с массовыми действиями, ориентированными на влияющего индивида и его опыт, вызывающими в свою очередь определенные формы консенсуса с соответствующим содержанием. Если они «адаптированы» к внешней среде, то они сохраняются. «Последствия «эмпатии» и еще в большей мере «вдохновения» (обычно объединяемых туманным термином «внушение») образуют основные источники осуществления реальных инноваций, регулярное внедрение которых, в свою очередь, усиливает чувство «долга», которым они могут сопровождаться».³⁵ При этом Вебер, в целом признавая чрезвычайно важную роль подражания, отвергает в данном случае его роль в качестве основного и первичного элемента в распространении нового поведения; оно здесь, как правило, вторично и составляет лишь особый случай: «Если поведение собаки, древнейшего друга человека, «вдохновляется» человеком, то такое поведение, очевидно, не может описываться как «подражание человека собакой». В очень значительном числе случаев отношение между людьми влияющими и теми, на кого оказывают влияние, точно того же рода. В некоторых случаях оно может

³⁴ См. об этом: Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.321-323.

³⁵ Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.322.

приближаться к «эмпатии», в других – к «подражанию», обусловленному либо рациональной целью, либо «массовой психологией».³⁶

В общем, можно заключить, что, согласно Веберу, в инновациях роль подражания менее значительна, чем в традициях. Основное же значение во внедрении инноваций имеют харизматические индивиды, оказывающие влияние на основную массу благодаря своим особым способностям и «анормальным» состояниям через вдохновение, эмпатию или идентификацию. Харизма оказывается не только, по выражению Вебера, «великой революционной силой», но и, шире, *великой инновационной силой*. Именно она, в лице таких харизматиков, как Лютер, Кальвин и другие, совершила такую фундаментальную инновацию, как Реформация, и способствовала рационализации и зарождению духа капитализма. Но рационализм и дух капитализма со временем, по логике Вебера, неизбежно должны были рутинизироваться и традиционализироваться. Былая революционная инновация превратилась в традицию, а докапиталистическое традиционное общество превратилось в капиталистическое традиционное общество.

³⁶ Weber M. *Economy and Society*. T.1. P.322.